

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЬМАНАХА

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

Рецензия на: Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — 184 с.

В монографии «Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира» рассматриваются вопросы пространственно-временной организации эпоса на примере былин и волшебных сказок. Авторы выявляют семиотическое содержание локально-темпоральных характеристик сказки, обусловленность содержания эпического текста своеобразием мировосприятия носителя традиционной культуры. Помимо этого дается описание былинных текстообразующих моделей и раскрывается их роль в структурировании эпической пространственно-временной сферы.

Данное монографическое исследование написано двумя авторами, работающими в рамках Воронежской школы лингвофольклористики, для которой характерен многоаспектный подход к языку фольклора. В то же время для анализа фольклорного материала используются и отдельные методы когнитивной лингвистики.

Первая часть исследования «Пространство и время в волшебной сказке: количественный аспект» написана В.А. Черваневой. Сказочное пространство и время анализируются автором в плане выявления их количественных характеристик. Количественный аспект позволяет автору вскрыть семиотическую значимость локальных и темпоральных параметров сказки и тем самым охарактеризовать художественные функции сказочного пространства и времени.

Исходя из того что система семиотических сказочных концептов детерминирована как мифопоэтической моделью мира, так и художественной системой сказки, автор посчитал целесообразным обратиться к исследованию фрагмента языко-

вой картины мира, а именно к количественной сфере сказочных концептов пространства и времени. Анализируя языковые и речевые средства, характеризующие пространство и время, В.А. Черванева убедительно показывает, что результаты количественной оценки пространственно-временных параметров составляют содержание одноименных субконцептов. Исследовательница подвергла анализу несколько основных сказочных пространственно-временных характеристик. Она не только отобрала все языковые и речевые средства с количественной пространственно-временной семантикой, но и рассмотрела семантику пространственно-временных номинаций, провела анализ лексической дистрибуции репрезентантов концепта и описала лексическую и грамматическую семантику контекста. Сочетание количественного, семиотического и аксиологического компонентов в семантике количественных номинаций позволило автору выявить систему когнитивных признаков субконцептов, которые составляют основу количественной сферы описываемых концептов.

Чрезвычайно интересным является раздел, где рассматривается категория количества в различных мировоззренческих плоскостях. Безусловно, количественные характеристики в философской, мифопоэтической и фольклорной картине мира имеют существенные различия. Однако очень важным является то, что автор выявляет и некоторые общие тенденции для различных мировоззренческих систем. Так, отмечая, что соотношение количественных характеристик со сферой сакрального было характерно для архаического восприятия мира, автор подчеркивает, что этот аспект нашел отражение в фольклорной картине мира именно вследствие ее генетической связи с мифопоэтической картиной мира. Рассматривая категории количества в архаическом мышлении, В.А. Черванева указывает на значительные отличия понимания количества в обществах архаического

типа от современного восприятия данной категории. При рассмотрении количества в мифопоэтической картине мира исследовательница выделяет ряд особенностей архаического подхода к осмыслению количественного аспекта действительности. Это, прежде всего, конкретность восприятия количества и сакрализация количественных операций. Особенно интересен раздел, посвященный характеру квантификации в обществах архаического типа. Основываясь на работах А.Я. Гуревича и О.М. Фрейденберг, В.А. Черванева доказывает, что архаическому мышлению свойственна принципиальная неспособность абстрагировать количественный признак воспринимаемого объекта и на его основе осуществлять сопоставление предметов. Однако нам кажется неубедительным утверждение, что для архаических обществ характерна «неактуальность точных измерений» [с. 24].

В разделе, посвященном категории количества в произведениях фольклора, автор подробно останавливается на исследованиях по фольклорной квантификации и указывает на ряд ее особенностей, прежде всего на употребление количественных характеристик как показателей качества, на обобщенность семантики количественных обозначений в фольклоре и тенденцию к гиперболизации действительности в эпических жанрах фольклора. В.А. Черванева убедительно доказывает, что категория количества получила широкую и своеобразную реализацию в произведениях народной словесности, и отмечает, что фольклорная концептуализация количества находится в связи и с архаическим осмыслением квантитативности, и с характером функционирования фольклорной концептосферы, и с особенностями художественной системы жанра.

Исследовательница отмечает, что специфика сказочной картины мира детерминировала характер квантитативной оценки пространственной протяженности, вследствие чего данные характеристики являются не показателями конкретного количества, а «своеобразными знаками смежных уровней» [с. 31].

Анализируя категорию пространства, В.А. Черванева выделяет субконцепты: *дистанция*, в рамках которого рассматриваются дистанции, измеряемые по вертикали вверх и вниз, дистанции, измеряемые по горизонтали (предельная и не являющаяся предельной), *площадь* и *размер предметов*. Разбирая субконцепт «дистанция», ис-

следовательница показала, что его структура детерминируется системой противопоставленных концептуальных признаков, объединенных рядом когнитивных параметров, таких как предельность/непредельность, направление измерения, количественная оценка, художественная и семиотическая функция. Безусловного внимания заслуживает таблица, в которой приведены обобщенные представления репрезентации когнитивных параметров и из которой становится понятным специфическое содержание субконцепта «дистанция», детерминированное архаическими представлениями о пространстве.

При общей логичности выводов нельзя не отметить ряд аспектов, вызывающих вопросы. Так, при рассмотрении субконцепта «площадь» В.А. Черванева пишет о том, что в сказке среди репрезентантов данного субконцепта отсутствует полюс «малых величин» [с. 64]. Безусловно, в сказке большая площадь оценивается как норма (ср. *широкое поле, большой город* и т.д.), однако встречаются и малые объекты (ср. *узкая тропка, малая хатка* и т.д.), а кроме того, полное отсутствие пространства (*шелшел, а дальше ходу нет*).

Когнитивная оценка временной длительности в сказках дается автором по параметру *временной отрезок*, и это не совсем понятно, так как сказка знает и другие временные параметры, например *скорость* и *возраст*. Такая избирательность показалась нам странной, тем более что В.А. Черванева упоминает другие параметры. Вызывает особый интерес определение особенностей содержания субконцепта «длительность временного отрезка». Автор показал, что средства объективизации временных отрезков в сказке образуют две большие группы: «вечное время» и «конечное время». Характеристики «вечного времени» обладают максимальным квантитативным значением протяженности и этим отличаются от номинаций конечных временных отрезков. При этом концептуальное содержание характеристик «конечного времени» в значительно большей степени, чем содержание характеристик «вечного времени», обусловлено композиционной структурой сказки. Наконец, «вечное время» имеет ирреальный план выражения, а его номинации служат средством репрезентации объема материальных ценностей.

Весьма интересным является наблюдение автора, согласно которому в сказке преобладают большие величины, что яв-

ляется одним из признаков «наивной» концептуализации мира. К сожалению, автор не развивает этого положения и не объясняет, что скрывается под этим термином (тем более что понятия *наивная* и *фольклорная картина мира* выступают у исследовательницы как синонимы¹).

Представляется ошибочным использование в качестве источников только трех классических сказочных сборников — А.Н. Афанасьева, Н.Е. Ончукова и И.А. Худякова. Безусловно, сборник А.Н. Афанасьева является наиболее полным по сюжетному составу сказок, но в настоящее время убедительно доказано, что большинство текстов в нем подвергалось редакторской, в том числе языковой, правке. Что касается сборника И.А. Худякова, то, хотя составитель и не вмешивался в текст сказки, в то же время он не стремился к точной записи, пренебрегая стилистическими подробностями. Многие записи в данном сборнике — скорее пересказы, чем точная фиксация текста. Поэтому вряд ли можно использовать сказки из этих двух сборников в качестве объекта исследования количественной семантики языковых и речевых единиц. Нам кажется, было бы естественнее обратиться к сказкам из тех сборников, которые считаются наиболее аутентичными (например, классические сборники Д.К. Зеленина, Б.М. и Ю.М. Соколовых).

Безусловным достоинством первой части исследования является объяснение терминологического аппарата, поскольку проблемы лингвофольклористики разрабатываются представителями нескольких научных школ, зачастую использующих одни и те же термины в разных значениях.

Вторая часть работы «**Движение, пространство, время, событие в былинном эпосе**» представляет собой часть большого исследования структуры былинного текста, которое на протяжении нескольких лет ведет Е.Б. Артеменко. Хорошо известны ее работы, посвященные былинному текстообразованию, фольклорной формульности, проблеме повествователя и т.п. [Артеменко 1993; 1998; 2001; 2001а; 2001б и др.]. Автор развивает положения, высказанные в работах С.Ю. Неклюдова, посвященных времени и пространству в повествовательном фольклоре вообще и в былинах в

¹ Данный термин, насколько нам известно, введен в научный оборот Е.С. Яковлевой, которая рассматривает фольклорную картину мира как одну из разновидностей наивной картины мира [Яковлева 1994].

частности [Неклюдов 1972; 1973; 1975]. Е.Б. Артеменко отмечает, что линии (акционально-событийная и «мобильная») сюжетно-биографического движения, о котором пишет С.Ю. Неклюдов, образуют в былинном повествовании синкретическое единство. Однако именно в этой нерасчлененности содержится возможность дополнительного анализа. Исследовательница предлагает четко разграничить составляющие этого единства, выяснить характер отношений между ними и установить соотношение их пространственно-временных планов. Особенность подхода Е.Б. Артеменко к былинному пространственно-временному континууму заключается в его репрезентации через две текстообразующие модели (модель дороги и модель акциональной ситуации). Это позволило автору выявить специфические черты локально-темпоральной структуры эпического мира. Анализируя три явления: движение героя, пространственно-временные сферы и акционально-событийные линии, — исследовательница отмечает, что организующая роль принадлежит именно движению, поэтому целесообразно искать истоки феномена «кадрированности» в организации именно этого явления. Единицей кадрированной организации она предлагает считать этап пути, образуемый последовательностью трех фаз дороги (отправление в путь — пребывание в пути — завершение этапа пути). Выявив совпадение между совершаемой героем акцией и периодом пребывания его в пути, исследовательница отмечает, что «кадрированность» эпического материала служит формой, обеспечивающей движению былинного героя роль фактора сюжетно-композиционной организации повествования, а следовательно, регламентации его акционально-событийной и пространственно-временной сфер. Тем самым Е.Б. Артеменко опровергает традиционное представление о том, что перемещение героя является способом механической связи «событийных» точек былинного сюжета. Автор отмечает, что для былин характерно сочетание «кадрированной» и «некадрированной» форм организации текста, что делает актуальным вопрос об их отношении к когнитивно-речевым типам структурирования мыслительного содержания, т.е. к коммуникативным регистрам, являющимся средством композиционной организации текста. Е.Б. Артеменко отмечает, что для былины характерны два регистра: репродуктивный, в рам-

ках которого говорящий мыслится находящимся в хронотопе событий как непосредственный наблюдатель, и информативный, когда говорящий сообщает о том, что непосредственно им не наблюдается. Рассматривая былинный текст применительно к двум этим регистрам, исследовательница делает вывод о том, что «кадрированные» участки текста соответствуют канонам репродуктивного регистра, а «некадрированные» — информативного.

Подобный подход к эпическому тексту позволил выявить специфические черты локально-темпоральной структуры былинного мира и обнаружить в его изображении признаки циклической и линейной манифестации времени, объективно представив соотношение акциональной и динамической линий былинного сюжета.

Литература

Артеменко 1993 — *Артеменко Е.Б.* Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 3. Т. 52. С. 57—68.

Артеменко 1998 — *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1998. Вып. 11. С. 186—195.

Артеменко 2001 — *Артеменко Е.Б.* К вопросу о семантике и структуре акционального текстообразующего блока в былинном // Проблема изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2001. С. 215—221.

Артеменко 2001а — *Артеменко Е.Б.* К вопросу о фольклорной формуле и ее языковой репрезентации // Язык и поэтика фольклора: Докл. междунар. конф. (15—18 сентября 1999 г.). Петрозаводск: ПГУ, 2001. С. 105—109.

Артеменко 2001б — *Артеменко Е.Б.* Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2 (4). С. 11—17.

Неклюдов 1972 — *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинном // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 18—45.

Неклюдов 1973 — *Неклюдов С.Ю.* Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973. С. 151—165. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 308).

Неклюдов 1975 — *Неклюдов С.Ю.* Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 182—190.

Яковлева 1994 — *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА

(Москва)

Рецензия на: Никитина А.В. Русская демонология. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 400 с.: ил.

В предисловии к книге «Русская демонология» А.В. Никитина приводит различные факторы, определяющие актуальность просвещения широкой читающей публики в области народных верований и прозаического фольклора. Первый из них заключается в том, что мифологическое сознание присутствует в каждом из нас. Рассказ о личном опыте автора, которым начинается книга, дает прекрасную возможность это понять и прочувствовать. Безошибочно выбрана тема прощания с умершими близкими. При всех изменениях образа жизни наиболее устойчивыми оказываются именно обрядовые традиции и мифологические представления, связанные со смертью.

Свидетельством потребности современного человека в обращении к забытым верованиям и мифологическим представлениям, со всей очевидностью проявившейся на фоне кризиса естественно-научного мировоззрения, могут служить разного рода ролевые игры, неоязычество, а также по-прежнему увлечение «Гарри Поттером» и «Властелином колец», литературой и кинематографом, наполненных фэнтези, а значит и мистикой, магией и т.п.

Одновременно меняются формы, в которых выражается интерес человека к древним верованиям и мифологии. «Похоже, на сегодняшний день вкусы изменились настолько, что нашему современнику уже недостаточно просто удовлетворить любопытство по этому предмету, но ему не нужна и исчерпывающая информация, мало заботят глубинные связи и объяснения причин» [с. 6]. Автор выделяет следующие положения, которые следует принимать в расчет:

«— полученная информация должна удовлетворять спрос, то есть извлекается только то, что представляет конкретный интерес (это приводит к поверхностности и фрагментарности);

— информация должна быть четко и компактно сформулирована, следовательно, остается самое главное, отсекаются неясности, убираются полутона (это приводит к упрощению и одномерности);